

Александр Нечволодов

Сказания о русской земле

Книга третья

БЕЛЫЙ ГОРОД

Александр Нечволодов

Сказания о Русской земле. Книга 3

ТД "Белый город"

1913

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

Нечволодов А. Д.

Сказания о Русской земле. Книга 3 / А. Д. Нечволодов — ТД
"Белый город", 1913

Книга, написанная действительным членом Императорского Русского военно-исторического общества Александром Нечволодовым, уникальна. Ее первое издание стало настольной книгой в семье последнего российского императора Николая II. «Сказания о Русской земле» включают в себя обширнейший историографический материал: от древнерусских былин, песен и летописей до работ Н.М. Карамзина, С.М. Соловьева, И.Е. Забелина и многих других историков и писателей, чьи имена вписаны в золотой фонд истории нашего Отечества. Каждая страница книги пронизана любовью к России и гордостью за ее славное прошлое, настоящее и будущее.

УДК 94(47)

ББК 63.3(2)

© Нечволодов А. Д., 1913
© ТД "Белый город", 1913

Содержание

Глава первая	7
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Александр Нечволодов

Сказания о Русской земле. Книга третья

Посвящается светлой памяти Ивана Егоровича Забелина, благодаря многолетним трудам которого, созданным его глубокою душою и проникновенным умом, каждый русский человек получил драгоценное право гордиться своими отдаленнейшими предками и с уверенностью взирать на грядущие судьбы нашего великого народа

А.Д. Нечволодов

Русская историческая библиотека
Составил Александр Нечволодов, действительный член Императорского Русского
военно-исторического общества

Текст печатается по книге Л. Нечволодова «Сказания о Русской земле» (С 116., 1913) в соответствии с грамматическими нормами современного русского языка

Глава первая

Великое княжение Василия Димитриевича † Присоединение к Москве Нижегородского княжества † Подвиг отца Патрикия † Нашествие Тамерлана Чудесное заступничество Царицы Небесной за Русскую землю † Турки в Европе Битва на Косовом поле † Сражение на Ворскле † Витовт захватывает Смоленск † Нашествие Эдигея † Славяне бьют немцев на Зеленом поле Городельская уния † Великий князь Василий Темный † Смута † Василий Косой и Акимитрий Шемяка † Казанское и Крымское царства † Свидригайло Сигизмунд † Казимир † Флорентийский собор † Святой митрополит Иона Взятие Царьграда турками † Русская земля в XV веке † Святые Савватий и Зосима – соловецкие чудотворцы

Димитрий Иоаннович Донской оставил Русской земле в лице своего старшего сына достойного преемника для выполнения тех великих заветов, которые передавались московскими князьями от одного к другому, по умильному выражению Симеона Гордого, «для того, чтобы не перестала память родителей наших и наша, и свеча бы не угасла».

Несмотря на свой 17-летний возраст, Василий Димитриевич вступил на отцовский престол уже достаточно умудренным большим и разнообразным жизненным опытом. Еще 11-летним отроком он был послан отцом в Орду, чтобы отстаивать великокняжеский стол от притязаний князя Михаила Тверского. Насильно задержанный там заложником за московский долг в 8000 рублей, деятельный и предприимчивый Василий, «умысли крепко с верными своими доброхоты», как выражается летописец, бежал из своего плена, получил после многих скитаний приют у великого князя литовского Витовта, обещал ему в благодарность за это жениться на дочери и наконец благополучно прибыл в Москву.

В. Штейн. Боброк-Волынский

Огромную помощь и поддержку молодому великому князю в занятиях государственными делами оказывали, конечно, его умная мать, беззаветно преданная Русской земле и православию великая княгиня Евдокия Димитриевна, а также и верные бояре, доблестные сподвижники его великого отца.

Из этих бояр особенно замечательны были: славный начальник засадного полка во время Куликовской битвы – князь Димитрий Михайлович Боброк-Волынский; великий воевода Тимофей Васильевич Вельяминов; боярин Иван Родионович Квашня, сын известного боярина Ивана Калиты – Родиона Нестеровича, и наконец знаменитый боярин Феодор Андреевич Кобылин, носивший прозвание Кошка, предок царствующего дома Романовых, на попечение которого во время Куликовской битвы была оставлена в Москве вся великокняжеская семья; впоследствии такой же близостью к великому князю пользовался сын Феодора Андреевича Иван; на дочери же Феодора Андреевича Кошки, отличавшегося большим умом, спокойствием и ласковостью обращения, был женат сын великого князя тверского Михаил Александрович.

Это преданное московское боярство составляло ближайший круг советников Василия Димитриевича.

Что же касается двоюродного дяди молодого великого князя – знаменитого Владимира Андреевича Храброго, то, по-видимому, он был несколько обижен слишком большой близостью перечисленных выше бояр к своему племяннику, почему вскоре после вокняжения Василия, в том же 1389 году, он отправился с семьей из Москвы в свой удел Серпухов, а затем и в Торжок, принадлежавший Новгороду. Но эта размолвка длилась весьма недолго и закончилась в начале 1390 года искренним примирением дяди и племянника, после которого Владимиру Андреевичу не раз представлялся случай верно послужить своим мечом на пользу молодого московского великого князя.

В том же 1390 году была отпразднована в Москве, к большому удовольствию народа, свадьба Василия Димитриевича с юной Софией Витовтовной. Затем Василий Димитриевич отправился в Орду, где был принят с необыкновенным почетом и где ознаменовал свое пребывание крупным шагом в деле собирания Русской земли под единую власть Москвы. А именно, он приобрел себе ярлык, разумеется, за деньги и богатые дары, на княжество Нижегородское, которое незадолго перед этим купил себе в Орде князь Борис Константинович Городецкий, а также на Городец, принадлежавший последнему, Мещеру, Муром и Тарусу.

Этот поступок Василия Димитриевича вполне оправдывался государственной необходимостью, тем более что у всех русских людей было еще свежо в памяти, как нижегородские князья в угоду Тохтамышу сопровождали его Орду до самой Москвы, причем город при их посредстве был взят лестью и страшно опустошен.

Сами нижегородцы сильно тянули к Москве, и поэтому когда, возвратившись из Орды, Василий Дмитриевич послал в Нижний татарского посла и своих бояр объявить волю хана, то нижегородские дружинники и народ, собранный по звону колоколов, обеими руками выдали московским людям своего князя.

Поступок нижегородцев наглядно показывает, как велико было уже у всех русских людей сознание необходимости сплотиться вокруг московского великого князя, чтобы создать несокрушимую народную твердь для возрождения Русской земли от всех тех бед и невзгод, которые постигли ее вследствие губительного разделения власти над ней при преемниках Ярослава Мудрого.

Но, разумеется, утверждение нового порядка вещей в Нижегородском княжестве не обошлось без некоторого сопротивления, и Василий Дмитриевич вынужден был содержать князя Бориса Константиновича под стражей до конца его жизни; племянники же Бориса Василий и Семен, а впоследствии и сыновья Иван и Даниил делали целый ряд попыток, чтобы вернуть себе Нижний, и прибегали для этого к помощи различных татарских царевичей, которых приводили в пределы московских владений.

Последняя из этих попыток была в 1411 году, когда сын Бориса Константиновича Даниил тайно привел татарский отряд к Владимиру-на-Клязьме с целью его захватить. Татары подкрались к городу в полдень, во время послеобеденного отдыха жителей, и без труда овладели им, избив множество людей; затем они зажгли его со всех концов и предались грабежу. При этом значительная часть их жадно устремилась к соборной церкви Владимирской Божией Матери, чтобы разграбить ее сокровища. Но в ней затворился доблестный священник, отец Патрикий. Он собрал сколько мог драгоценной церковной утвари и казны, спрятал их в укромном месте храма, запер двери, затем отбросил от церкви лестницы и стал молиться, проливая горячие слезы, перед образом Пречистой. Скоро татары вломились в собор, ограбили его, схватили Патрикия и стали пытать, допрашивая, где спрятана казна. Они ставили его на пылающую сковороду, вбивали щепы за ногти, сдирали кожу, но Патрикий не сказал им ни слова. Тогда поганные привязали его за ноги к лошадиному хвосту, и доблестный пастырь, влекомый по земле своими мучителями, испустил наконец свой дух, оставив навеки в сердцах русских людей светлую память о своем подвиге. Такие отдельные разбойнические набеги татарских царевичей и князей постоянно имели место и в других частях нашей Родины.

Так, в самый год поездки великого князя Василия Дмитриевича в Орду, в 1392 году, один из царевичей разорил независимую русскую общину Вятку, основанную в конце XII века Новгородом, за что через несколько месяцев новгородцы, соединившись с устюжанами, спустились по реке Вятке на больших лодках и разорили татарские города Жукотин, Казань и Болгары.

Вслед за присоединением Нижегородской земли Василию Дмитриевичу пришлось вступить в борьбу и с Господином Великим Новгородом. Причиной этой борьбы был вопрос о церковном суде. Как мы знаем, Новгородский архиепископ всегда зависел от митрополита Московского, причем право церковного суда над новгородцами принадлежало последнему. В 1385 году новгородцы вздумали освободиться от митрополичьего суда, созвали вече и постановили

на нем не ходить на суд в Москву к митрополиту, а судиться у своего владыки, после чего написали об этом грамоту и целовали на ней крест. Но с этим никак не хотел согласиться митрополит Киприан, и в 1391 году он самолично прибыл в Новгород, чтобы уговорить его жителей подчиниться его суду, причем разорвал означенную грамоту как незаконно составленную. Однако новгородцы упорно не соглашались на его требования, и Киприан уехал от них в большой обиде. Василий Димитриевич, хорошо понимая, что отделение Новгорода от митрополита знаменовало бы и отпадение этого города от Москвы, решил поддержать требование Киприана высылкой своей рати к Торжку, который она и заняла. Вскоре жители Торжка возмутились и убили московского боярина Максима, а новгородцы из Заволочья взяли великокняжеский город Устюг. За это Василий велел схватить убийц Максима и предал их суровой казни в Москве. Тогда новгородцы, убедившись в непреклонной твердости великого князя, не замедлили запросить у него мира и согласились на митрополичий суд.

Скоро этой твердости духа молодого великого князя пришлось перенести весьма тяжелое испытание. Новое вторжение с Востока огромнейших полчищ варваров грозило нашей Родине повторением ужасов Батыева нашествия.

В недрах Азии появился новый грозный завоеватель, не менее знаменитый и ненасытный, чем Чингисхан, от которого он и происходил по женской линии. Это был Тамерлан, или Темир-Аксак, прозванный также за свою храмоту Железным Хромцем. Будучи мелким монгольским князьком, Тамерлан терпел в юные годы различные испытания и невзгоды, среди которых закалялся его дух и зрели его замыслы о повторении времен Чингисхановых. В 1352 году все достояние Тамерлана, укрывавшегося в пустыне от врагов, заключалось в тощем коне и дряхлом верблюде, а несколько лет спустя благодаря своим удивительным военным и государственным дарованиям, соединенным с бесчеловечной кровожадностью, он был уже повелителем 20 держав в трех частях света – Азии, Европе и Африке. В числе этих подвластных ему держав были владения Персидские, Индийские, Сирийские, Египетские, а также Волжская, или Золотая Орда, в которой Тохтамыш занял престол после Мамая именно благодаря покровительству Тамерлана.

Правитель, полководец и завоеватель Тамерлан

Однако через несколько лет Тохтамыш, надеясь на свои силы, решил отложиться от Тамерлана, имевшего свое главное пребывание в Самарканде. Но Тамерлан в 1393 году быстро двинулся против него со своими страшными полчищами, смело прошел через огромные Киргизские степи, причем войска его, уподобляя свое шествие роду непрерывной охоты, пита-

лись главным образом мясом убиваемых во множестве диких коз, сайгаков и других степных животных. После этого в пределах нынешней Астраханской губернии Тамерлан наголову разбил Тохтамыша, бежавшего затем за Волгу, и вернулся к себе в Самарканд. Два года спустя, в 1395 году, Тамерлан вновь двинулся против Тохтамыша, опять поднявшегося против него. Решительная битва обоих противников произошла между реками Терек и Кубанью, близ нынешнего города Екатеринодара. Долго успех сражения колебался то в ту, то в другую сторону. Сам Тамерлан подвергался величайшей опасности. Окруженный врагами, расстреляв все свои стрелы и изломав копье, он все же не потерял своей твердости и хладнокровия, тогда как Тохтамыш, имея в своем распоряжении свежие силы, вдруг побежал, объятый ужасом.

Тамерлан преследовал его до Волги, посадив на его место в Золотой Орде другого хана, а затем, к великому ужасу всех русских людей, вместо того чтобы повернуть назад, продолжал свое наступление к северу и, перейдя Волгу, вступил в наши юго-восточные пределы. Подступив к городу Ельцу, он без труда взял его, внося всюду по пути ужас и опустошение.

В эти бедственные дни великий князь Василий Димитриевич показал себя достойным преемником своего великого отца. Подобно ему, он начал созывать русских людей на страшный бой с грозным врагом, и на призыв его стали отовсюду собираться полки. Многие старцы, славные участники Куликовской битвы, сели вновь на коней и явились под знамена, чтобы умереть за свою Родину и за веру православную. Сам великий князь начальствовал над войском и расположился близ Коломны, на берегу реки Оки, бодро ожидая дальнейших действий врага и оставя престарелого князя Владимира Андреевича для защиты Москвы, где народ денно и ночью молился во всех храмах. Желая успокоить жителей столицы, Василий Димитриевич написал из своего стана митрополиту Киприану, чтобы он перенес в Москву славную икону Божией Матери из стольного города Владимира.

Святой Киприан – митрополит Московский

В самый день Успенья владимирцы с великим плачем и слезами проводили свою защитницу, а 26 августа весь московский народ, старые и малые, богатые и бедные, здоровые и убогие, во главе с духовенством, князьями и боярами и, конечно, великой княгиней Софьей Витовтовной, вышли навстречу чудотворному образу. «И сретоша далече за градом, – рассказывает летописец, – и яко узреша Пречюдный образ Богоматери и на пречистых Ея дланех Пречистый образ Иисус Христов, и вси падоша на землю, со многосугубыми слезами из сердца вздыхающе и молящися прилежно...».

Это горячая молитва московского народа была услышана Многомилостивой Покровительницей земли Русской.

Тамерлан, с лишком две недели стоявший на своем месте, не подвигаясь «ни семо, ни онамо», вдруг побежал без оглядки в свои степи, именно в тот самый день и час, когда Москва торжественно встречала чудотворную икону. Перед этим он спал и видел во сне огромное воинство в блистающих доспехах, а над ним несравненный облик Царицы, погруженной в жаркую молитву. Вместе с тем ему предстали святые старцы и грозно потребовали отойти от пределов Русской земли. До глубины души смущенный этим видением, Тамерлан немедленно же отдал распоряжение об отступлении своих войск.

Вскоре Тамерлан обратил свои усилия для того, чтобы сломить могущество турок, грозные победы которых возбуждали уже сильнейшую тревогу во всей Европе.

Первоначальной родиной турок была Средняя Азия, где они с давних времен славились своей большой воинственностью. Страшные перевороты среди азиатских народов, вызванные завоеваниями Чингисхана, привели в движение и турецкие племена, которые благодаря военному устройству своего быта быстро стали господами в Малой Азии, всюду проповедуя огнем и мечом учение Магомета, а затем ряд хищных турецких султанов начали сильно теснить слабую Византийскую империю, раздираемую к тому же внутренними усобицами.

Перебрасывая свои войска через узкий Босфорский пролив, турки направляли свои удары и на православные славянские племена, обитавшие на Балканском полуострове, на болгар и на сербов.

Город Царырад, охваченный со всех сторон турками, благодаря своим крепким стенам и постоянным богатым дарам, подносимым султанам, сохранял еще до времени тень своей независимости и свободы, но уже в 1361 году султан Мурат I захватил Адрианополь и перенес сюда свою столицу из Азии. Этот Мурат основал знаменитых янычар, отборную турецкую пехоту, набиравшуюся исключительно из христианских детей, воспитывавшихся турками в самой большой ненависти к вере своих отцов.

Утвердившись в Адрианополе, Мурат стал деятельно готовиться к полному порабощению южных славян, и в 1389 году, в самый год смерти Донского героя, нанес этим славянам страшное поражение на Косовом поле, несмотря на изумительное мужество сербов, босняков, болгар, валахов и албанцев. В битве этой пали и вожди обоих воинств: славный король сербский Лазарь и сам Мурат. Его убил серб исполинской силы – Милош Кабилович: чтобы сразить страшного врага своего отечества, он явился в турецкий стан под видом перебежчика, выпросил позволение поклониться в ноги султану и затем, представ пред ним, поразил его насмерть, за что, конечно, был тут же убит.

Мурату наследовал еще более жестокий и хищный сын его Баязет I. После смерти отца тут же на поле сражения он повелел воздвигнуть множество пирамид из голов убитых христиан, а затем, покорив всю Болгарию и Сербию, он взял себе в жены дочь покойного короля

Лазаря. В 1396 году Баязет нанес под Никоподем страшное поражение ополченцам нового крестового похода, созданного против него папою Бонифацием IX. После этих побед самоуверенность и зверства турок не знали никаких границ, и Баязет устремил все свои усилия, чтобы окончательно покорить Царьград, причем в течение пяти лет держал несчастный город в осаде, от которой тот, без сомнения, должен был пасть. Но вдруг неожиданно Баязету пришлось снять эту осаду и померяться всеми своими силами с Тамерланом.

Ненасытный Железный Хромец, осведомленный о подвигах Баязета в Европе и Малой Азии, отправил к нему послов со следующим высокомерным требованием: «Знай, – писал он Баязету, – что мои воинства покрывают землю от одного моря до другого, что цари служат мне телохранителями и стоят рядами перед шатром моим; но судьба у меня в руках и счастье всегда со мною. Кто ты? Муравей Туркоманский, дерзнешь ли восстать на слона?.. Если робкие европейцы обратили тыл перед тобою – славь Магомета, а не храбрость свою... Внемли совету благоразумия: останься в пределах отеческих, как они ни тесны; не выступай из оных или погибнешь».

Гордый Баязет отвечал на это послание короткими словами: «Давно желаю воевать с тобою. Хвала Всевышнему: ты идешь на меч мой».

Столкновение обоих противников произошло в 1402 году в Малой Азии, на полях близ Ангоры. Здесь, несмотря на свое мужество и на отчаянную храбрость янычар, Баязет был наголову разбит и, захваченный в плен, принесен в клетке к Тамерлану, который вслед за тем богато одарил его, глубокомысленно рассуждал с ним о тленности мирского величия и отпустил своим данником. Эта победа Тамерлана над турками отсрочила на полстолетия переход Царьграда под владычество последних.

Чудотворный образ Владимирской Божьей Матери. Ф. Солнцев

Покорив Баязета, Тамерлан пребывал большею частью в Самарканде, причем он, по примеру Чингисхана, сея всюду ужас и разорение, проливая потоки крови, воздвигая огромные пирамиды из человеческих черепов и обращая в груды пепла цветущие города, любил беседовать с учеными, лицемерно показывая себя другом науки и пускался в длинные рассуждения о ничтожестве человеческой жизни, о добродетели и о бессмертии. Он умер и погребен в Самарканде же, входящем ныне в состав нашего Туркестанского военного округа. Посреди великолепной мечети, выстроенной для упокоения его останков, находится роскошная гробница, но она заключает в себе лишь прах его учителя. Сам же Тамерлан, до конца жизни оставаясь лицемером, смиренно приказал себя похоронить у его ног.

Таков был Тамерлан, от ужасов нашествия которого 26 августа 1395 года спасло Русскую землю заступничество Царицы Небесной.

В память этого чудесного события на Кучковом поле, где был встречен жителями Москвы чудотворный образ, воздвигнут Сретенский мужской монастырь, причем день Сретенья до сих пор всенародно празднуется всею Россией, а в Москве установлен и крестный ход из Успенского монастыря в Сретенский.

В Богородичной же церкви во Владимире вместо присланной в Москву иконы была поставлена другая, в меру и подобие подлинной, причем она, по преданию, была написана еще святым митрополитом Петром.

Вскоре после того, как полчища Тамерлана отхлынули от наших пределов, великому князю московскому опять пришлось вступить в борьбу: новгородцы вновь отказались от митрополичьего суда, а затем и отказались разорвать свое соглашение с ливонскими немцами, когда этого потребовал Василий Димитриевич.

Это послужило поводом к открытию неприязненных действий со стороны Москвы, причем главное внимание Василия было обращено на богатую Новгородскую область – Двинскую землю, откуда получалось так называемое закамское серебро и дорогие меха, шедшие из Сибири; славилась также Двинская земля и многими другими промыслами, особенно же птицеводством, и лучшие сокола или кречета для великокняжеских охот ловились именно в ней.

Жители Двинской земли и сами воеводы новгородские, находившиеся в ней, весьма охотно объявили себя за московского великого князя, войска которого заняли уже Вологду, Торжок и некоторые другие города. Встревоженные этим, новгородцы поспешили отправить в Москву посольство, чтобы умиловить Василия Димитриевича. Но последний, оказав ласку посольству, не хотел и слышать о возвращении Двинской земли. Этот отказ пробудил былой воинский дух новгородцев. Они снарядили рать, вошли в Двинскую землю и, произведя там великое опустошение, захватили бояр, передавшихся Москве, после чего, вернувшись в Новгород, главного из них сбросили с моста в Волхов. Вслед за тем новгородцы послали просить мира у великого князя, и Василий, несмотря на внутреннюю досаду, согласился на него, до времени отказавшись от мысли присоединить Двинскую землю к Москве. Причиной этой уступчивости были дошедшие до него слухи о сношении Новгорода с его тестем, великим князем литовским Витовтом.

Отношения к Витовту являлись важнейшим государственным делом за все 36-летнее великое княжение Василия ввиду того значения, которое приобрел первый на Литве. Мы видели, что в 1386 году Ягайло, вступив в брак с Ядвигагой Польской и перейдя в латинство, в которое он окрестил и свой народ, соединил в своем лице власть над королевством Польским и великим княжеством Литовским. Но соединение власти над Литвой под польской короной скоро оказалось ему не под силу. Потеря самостоятельности Литвы была сочтена за обиду сидевшими в ней удельными князьями и боярами, причем во главе недовольных стал двоюродный брат Ягайлы Витовт. Он считал себя лично обиженным Ягайлой, в угоду которому он разорвал свои сношения с Немецким орденом, а также вторично перешел из православия в католичество, и был обижен именно тем обстоятельством, что Ягайло назначил своим наместником на Литве не его, а своего родного брата – Скиргайлу.

Скоро Витовт открыто поднялся против Ягайлы, вновь заключив договор с немецкими рыцарями, которые, чтобы обеспечить себе его верность, взяли в заложники двух малолетних сыновей Витовта и брата Кондрата.

Поднятая Витовтом борьба с Ягайлой продолжалась с 1389 по 1392 год и велась с большим ожесточением, причем в ней принимали деятельное участие немцы. Витовт рассчитал, что ему выгоднее будет примириться с Ягайлой, который со своей стороны также очень желал мира и шел на большие уступки. Но этому примирению мешал договор Витовта с немцами: для них борьба его с Ягайлой была как нельзя более на руку. Тогда Витовт, чтобы разорвать с ними, решил пожертвовать своими сыновьями и братом. Он вероломно напал на один рыцарский отряд, разбил его, захватил несколько немецких укрепленных замков и 4 августа 1392 года

заклучил с Ягайлой мирный договор, по которому получил достоинство великого князя литовского на правах самостоятельного государя, обещая польскому королю неразрывный союз и свое содействие в случае надобности. За это немцы, в отместку Витовту, отравили его обоих детей и заковали в оковы брата. Бывший же наместник Ягайлы на Литве, брат его Скиргайло, получил княжество Киевское, вскоре перешедшее после его смерти также под власть Витовта.

Таким путем, пожертвовав двумя сыновьями (а других детей у него не было) и братом, Витовт стал могущественным князем литовским, причем в состав его владений входило вдвое больше чисто русских земель, собранных еще Гедимином и Ольгердом, чем литовских. Будучи человеком громадного честолюбия, при этом чрезвычайно скрытным и весьма вероломным, «неверником правды», по выражению летописца, Витовт успешно освободился разными средствами от большинства из своих подручных крупных удельных литовских князей, а затем направил все свои усилия к дальнейшему собиранию Русской земли, причем в этом деле он непременно должен был встретить соперника в лице другого собирателя Русской земли, своего зятя – великого князя московского.

Здесь будет уместно отметить большую разницу в собирании Русской земли со стороны московских князей и литовских. Для московских князей это было делом священного завета их предков и митрополита Петра Чудотворца – собрать воедино наследие святого Владимира – православный русский народ, разбитый на множество отдельных частей вследствие губительного порядка владения землей целым родом, установившегося после Ярослава Мудрого. Литовские же князья собирали то, что им никогда не принадлежало, то есть были простыми хищниками. Они были чужды как русскому народу, так и православию и с необыкновенной легкостью меняли при надобности свою веру и на язычество, и на латинство.

Королева Польши Ядвига и литовский князь Ягайло

При этих условиях принятие Ягайлой польской короны и католичества повлияло, конечно, самым неблагоприятным образом на православных подданных литовского князя, так как на него скоро возымело сильнейшее влияние польское католическое духовенство. И вот после казни двух своих придворных, не захотевших изменить православию, Ягайло издал в 1387 году указ, предписывавший всем литовцам знатного рода принимать католическую веру, причем в эту веру должны были непременно переходить и русские, бывшие в браке с литовцами; упорствующих же приказано было жестоко сечь розгами.

Вместе с тем всем литовским и русским панам, принявшим латинство, Ягайло даровал важные преимущества и льготы против остававшихся в православии. Таким образом, на Литве все льготы перешли к католикам, а гонения и притеснения – на православных. Большим соблазном к переходу в латинство служило для литовских бояр и дворян то льготное и независимое положение, которым пользовалось в Польше как высшее дворянство – магнаты, так и мелкое – шляхта.

В Польше вследствие слабости королевской власти высшее сословие давно уже забрало в свои руки огромную власть в делах государства и владело большой земельной собственностью. В XIV же столетии король Владислав Локетек, также по причине своей слабости, должен был дать большие права и мелкой шляхте. Вместе с тем благодаря близости к Западу в высшем польском сословии сильно развилось иноземное, преимущественно немецкое, влияние, которое оторвало по взглядам, воспитанию, привычкам и вкусам это сословие от простого сельского люда. При этом иноземные заимствования и обычаи требовали более разнообразной и роскошной жизни, и поэтому в Польше стало быстро образовываться городское, промышленное население, преимущественно из ремесленников, иноземцев и жидов, которым покровительствовал ряд польских королей, особенно же Казимир Великий под влиянием своей возлюбленной – жидовки Эстерки. Скоро польские города получили особое самостоятельное управление с большими вольностями и правами по немецкому, или так называемому Магдебургскому, праву. Самым же бесправным сословием в Польше было крестьянство.

Порядки, близкие польским, стали устанавливаться и в Великом княжестве Литовском. Как мы уже говорили, бояре или паны, перешедшие в латинство, получили большие права против православных. Город Вильна тоже получил, подобно большим польским городам, Маг-

дебургское право и стал быстро заселяться немцами и жидами, причем последним Витовт оказывал особое покровительство. По грамоте его от 1388 года «за увечье и убийство жида христианин отвечает так же, как за увечье и убийство человека благородного звания; за оскорбление жидовской школы полагается тяжкая пеня; если же христианин разгонит жидовское собрание, то, кроме наказания по закону, все его имущество отбирается в казну. Наконец, если христианин обвинит жида в убийстве христианского младенца, то преступление должно быть засвидетельствовано тремя христианами и тремя жидами добрыми; если же свидетели объявят обвиненного жида невинным, то обвинитель сам должен потерпеть такое наказание, какое предстояло обвиняемому». Все эти порядки шли, разумеется, в ущерб православному населению великого княжества, то есть большинству его сельских обитателей.

Прочно утвердя свое положение в Литве, Витовт прежде всего устремил свой взор на город Смоленск, бывший предметом вождлений и его дяди Ольгерда. Скоро представился удобный случай попытаться овладеть им. В 1395 году великий князь московский Василий Лимитриевич был озабочен страшным нашествием Тамерлана, а в Смоленске шла в это время сильная усобица между удельным князем Юрием Смоленским со своими братьями, причем Юрий должен был временно уехать из города к своему тестю, престарелому Олегу Рязанскому, тому самому, который был противником Димитрия Донского в вечнопамятные дни Мамаева нашествия.

Этим воспользовался Витовт. Распустив слух о своем движении против татар, он неожиданно подступил к Смоленску; затем под видом родства (его вторая жена была дочерью одного смоленского князя) он зазвал к себе в стан всех бывших в городе смоленских князей, обещая им посредничество при дележе волостей, а когда те, ничего не подозревая, собрались к нему, то велел их заковать и отправить в Литву. Смоленск же он занял литовским отрядом, захватившим и кремль. Олег Рязанский пытался было заступиться за своего зятя, но Витовт вторгся в его владения и, «пролив кровь, как воду, и побив людей – сажая их улицами», по выражению летописца, – с торжеством вернулся к себе на Литву.

Видя все происходящее, Василий Лимитриевич, конечно, внутренне сильно досадовал на тестя; однако он не признавал себя достаточно сильным, чтобы вступить с ним в борьбу за Смоленск. Витовт был в это время на вершине своей славы и считался одним из могущественных государей Европы. Скоро между ним и Ягайлой опять возникли нелады. Ягайло, по настоянию Ядвиги, стал требовать от Литвы уплаты прежнему жениху своей жены, принцу Вильгельму Австрийскому, 200 000 червонцев, согласно данному ему обещанию при расторжении с ним брака. Это требование сильно оскорбило Витовта; он собрал в Луцке своих бояр и с негодованием объявил им о нем, сказав: «Мы не рабы Польши, предки наши никому не платили дани. Мы люди свободные, и наши предки кровью приобрели нашу землю».

Великий князь Василий Дмитриевич
Царский титулярник

Все это, разумеется, было передано Ягайле и Ядвига, которая так огорчилась поведением Витовта, что вскоре умерла, причем, ввиду своей бездетности, взяла с Ягайлы обещание вступить по ее смерти в брак с одной из внучек Казимира Великого.

Витовт же, готовясь к разрыву с Польшей и также имея виды на Новгород, где у него были сторонники, питавшие вражду к Москве, опять вошел в соглашение с немцами и заключил с ними договор, причем за помощь, которую ему обещал орден в деле овладения Великим Новгородом, Витовт согласился на подчинение немцам Пскова.

Вот почему, по-видимому, великий князь Василий Дмитриевич, проведая про сношение новгородцев с Витовтом, которые готовы были ему передаться, согласился заключить с вольным городом мир и отказался при этом временно от видов на Двинскую землю.

Захватив Смоленск, будучи готовым к разрыву с Польшей и простирая свои виды на Великий Новгород, Витовт, упоенный своими успехами, считал себя достаточно сильным, чтобы померяться силами и с татарами. Он приютил у себя на Литве Тохтамыш¹, разбитого Тамерланом, и желал восстановить первого в его прежних владениях, с тем чтобы он помог затем Витовту добыть Москву. Эта поддержка Тохтамыша привела Витовта в столкновение с новым ханом Золотой Орды Темир-Кутлуем, ставленником Тамерлана. Собрал огромное ополчение из своих литовских и русских подданных и присоединив к ним отряды поляков, немцев, тохтамышевых татар и других народностей, Витовт выступил с этой ратью в 1399 году к южным степям, по тому пути, по которому ходил некогда Владимир Мономах на половцев, мечтая нанести татарам поражение, подобное Куликовскому.

Однако большая разница была в целях обоих вождей, Дмитрия Донского и Витовта, и в чувствах, воодушевлявших их воинства.

Для Дмитрия Донского и его доблестных сподвижников, сынов православной Руси, Куликовская битва была страшным и великим подвигом во имя своей Веры, Народности и Земли. Все они шли в бой, связанные взаимным общим согласием и горячей надеждой на заступничество Божие, обещанное святым Сергием Радонежским.

Витовт же и его разнородное воинство, идя на татар, вовсе не были одушевлены каким-либо великим или чистым помыслом. Рать шла для восстановления Тохтамыша, с тем чтобы при его посредстве можно было управиться затем и с Москвой.

¹ До сих пор в Западной России сохранились потомки приведенных Тохтамышем татар: это так называемые литовские татары.

Перед выступлением Витовта в поход к нему явился посол Темир-Кутлуя с требованием выдать ему Тохтамыша. Но Витовт отвечал: «Хана Тохтамыша не выдам, а с ханом Темир-Кутлуем хочу видеться сам». При подходе Витовта к берегам реки Ворсклы Темир-Кутлуй послал его спросить: «Зачем ты на меня пошел? Я твоей земли не брал, ни городов, ни сел твоих». Высокомерный Витовт отвечал: «Бог покорил мне все земли, покорись и ты, будь мне сыном, а я тебе буду отцом и плати мне ежегодную дань; а не захочешь быть сыном, так будешь рабом, и вся Орда твоя будет предана мечу». На это требование хан, по-видимому, чтобы выиграть время для подхода всех своих отрядов, дал свое полное согласие. Тогда Витовт, видя такую уступчивость, послал новое требование, а именно: чтобы на всех ордынских деньгах чеканилось клеймо литовского князя в знак подданства ему татар. Хан соглашался и на это, прося лишь три дня на размышление для окончательного ответа. Витовт дал ему три дня.

А за эти три дня к Темир-Кутлую подошел поседевший в боях сподвижник Тамерлана, князь Эдигей, также распорядившийся самовластно в Орде именем хана, как это в свое время делал Мамай.

Тяжело вооруженная конница Тамерлана

Узнав о предложении Витовта, Эдигей пожелал иметь с ним личное свидание. И вот они съехались на противоположных берегах Ворсклы. «Князь храбрый! – насмешливо начал свою речь Эдигей. – Наш царь справедливо мог признать тебя отцом, он моложе тебя годами; но зато я старше тебя, а потому теперь ты признай меня отцом, изъяви покорность и плати дань, а также изобрази на литовских деньгах мою печать». Речь эта привела, разумеется, Витовта в неистовую ярость, и он приказал тотчас же готовиться к битве.

Спытко, воевода краковский, видя огромные полчища татар (их было до 200 000 человек), имел благоразумие настойчиво советовать Витовту, не вступая в бой, искать с ними примирения; но остальные военачальники встретили его совет с пренебрежением, причем дерзкий польский пан Щуковский хвастливо сказал Спытке: «Если тебе жаль расстаться с твоей красивой женой и с большими богатствами, то не смущай по крайней мере тех, которые не страшатся умереть на поле битвы». – «Сегодня же я паду честной смертью, а ты трусливо убежишь от неприятеля», – ответил ему на это Спытко. Предсказание его оправдалось: татары нанесли страшное поражение воинству Витовта, причем первыми бежали Тохтамыш и пан Щуковский, а затем Витовт. Достойный же Спытко пал смертью героя. Ужасное кровопролитие продолжа-

лось до глубокой ночи. «Ни Чингисхан, ни Батый, – говорит Н.М. Карамзин, – не одерживали победы совершеннейшей». Едва одна треть Витовтовой рати вернулась домой, татары преследовали ее до Киева, опять разграбив несчастный город и Печерскую обитель.

Разгром Витовта на берегах Ворсклы был, конечно, на руку великому князю московскому, но вместе с тем он показал, какую огромную силу представляют татары, с которыми мы после Тамерланова нашествия перестали вовсе считаться и прекратили всякие сношения.

Одним из следствий поражения Витовта татарами было обратное овладение Смоленском в 1401 году его бывшим князем Юрием при помощи тестя – Олега Рязанского. Но, севши вновь в Смоленске, Юрий не сумел его долго удержать. Он скоро восстановил против себя городских жителей своими жестокостями по отношению к сторонникам Витовта, и когда в 1402 году умер Олег Рязанский, то Юрий был вынужден обратиться за защитой против Витовта к московскому великому князю. «Тебе все возможно, – говорил Юрий Василию Лимитриевичу, – потому что он тебе тесть. Если же он ни слез моих, ни твоего совета не послушает, то не отдавай меня на съеденье Витовту, а помоги мне или же возьми город мой за себя: владей лучше ты, а не поганая Литва». Василий обещал помочь, но, пока он собирался, Витовт, узнав об отъезде Юрия в Москву, быстро подошел к Смоленску, причем его доброхоты, которых было много, сдали ему город вместе с княгиней Юрия. Захватив Смоленск, Витовт казнил всех сторонников Юрия среди бояр и посадил своих наместников; горожанам же дал большие льготы, чтобы привлечь их на свою сторону.

Узнав о взятии Смоленска Витовтом, Василий, предполагая, что это было сделано по тайному уговору Юрия и Витовта, сильно рассердился и сказал Юрию: «Приехал ты сюда с обманом, приказав Смоленску сдаться Витовту». После чего Юрий выехал из Москвы в Новгород.

Так захватил Витовт в свои руки Смоленск, древнее наследие Ростиславовичей, овладев им в первый раз путем обмана, а во второй – добыв изменой. Как мы увидим, огромное количество русской крови лилось впоследствии в течение более двух веков у Смоленска, пока он вновь не был окончательно возвращен в состав наших владений.

После неожиданного захвата Витовтом Смоленска Василий Димитриевич не считал уже своевременным вступать из-за него в борьбу с тестем, но когда Витовт вслед за тем стал явно стремиться к овладению Новгородом и Псковом, то Василий Димитриевич двинул свои полки на Литву, и военные действия между зятем и тестем продолжались в течение 3 лет, причем за это время из Литвы выехало в Москву много знатных людей, недовольных новыми установившимися там порядками. В числе их был и родной брат Ягайлы, Свидригайло Ольгердович, получивший в удел от Василия Димитриевича город Владимир-на-Клязьме. За все эти три года русские и литовские войска сильно опустошали неприятельские пограничные области, но до решительного сражения дело не доходило ни разу. Наконец в 1408 году сошлись обе противные рати на реке Угре. Но и тут боя не произошло. Витовт и Василий решили заключить здесь мир, по которому каждый оставался при своих владениях; мир этот не нарушался до конца их жизни.

Помирившись с Витовтом, Василий Димитриевич затем выдержал нашествие татар, оказавшееся по своим последствиям значительно бедственнее Тамерланова.

Старый князь Эдигей после своей победы при Ворскле забрал еще больше силы в Орде и негодовал на московского князя, не славшего ни даров, ни послов. Он сильно рассчитывал, что Витовт нанесет последнему поражение и, с огорчением узнав об их примирении, решил сам выступить против Москвы. Но напасть на нее открыто или вызвать московские войска на бой в чистом поле татары после Куликовской битвы уже не отваживались. Поэтому они решили действовать украдкой. Обманувши великого князя ложной вестью, что хан идет со всеми силами на Витовта, Эдигей, подобно Тохтамышу, с большой скрытностью и быстротой устремился на Москву и подошел к ней 30 ноября 1408 года. Василий Димитриевич, вверив ее защиту Владимиру Андреевичу Храбром, отправился в Кострому собирать ополчение и

приказал выжечь кругом Москвы все посады. «Зрелище было страшно, – говорит Н.М. Карамзин: – везде огненные реки и дым облаками, смятение, вопль, отчаяние. К довершению ужаса, многие злодеи грабили в домах, еще не объятых пламенем, и радовались общему бедствию».

Подступив к Москве и окружив ее со всех сторон, Эдигей отрядил 30 000 татар следом за Василием на Кострому и приказал тверскому князю Ивану Михайловичу, сыну знаменитого соперника Дмитрия Донского, идти со своим пушечным нарядом, или, как теперь говорят, артиллерией, бывшим в то время одним из самых могущественных в целой Европе, на Москву. Но доблестный Иван Михайлович, не желая поднимать руки на своих единокровных братьев, выступив в поход, притворился больным и так и не подошел на помощь Эдигею, который распустил свои отряды во все стороны, чтобы жечь и грабить Московское княжество. Татарами были взяты и разорены Переяславль, Ростов, Дмитров, Серпухов, Нижний Новгород и Городец. Поганые всюду предавались ужасным неистовствам и брали в плен беззащитных жителей тысячами, так что иногда, по словам летописца, один татарин гнал перед собою человек сорок пленных, связанных на свору, как псов. Москва между тем твердо противостояла Эдигею под руководством маститого старца князя Владимира Андреевича, укрепившего стены и вооружившего их пушками и пищальями, то есть тяжелыми ружьями.

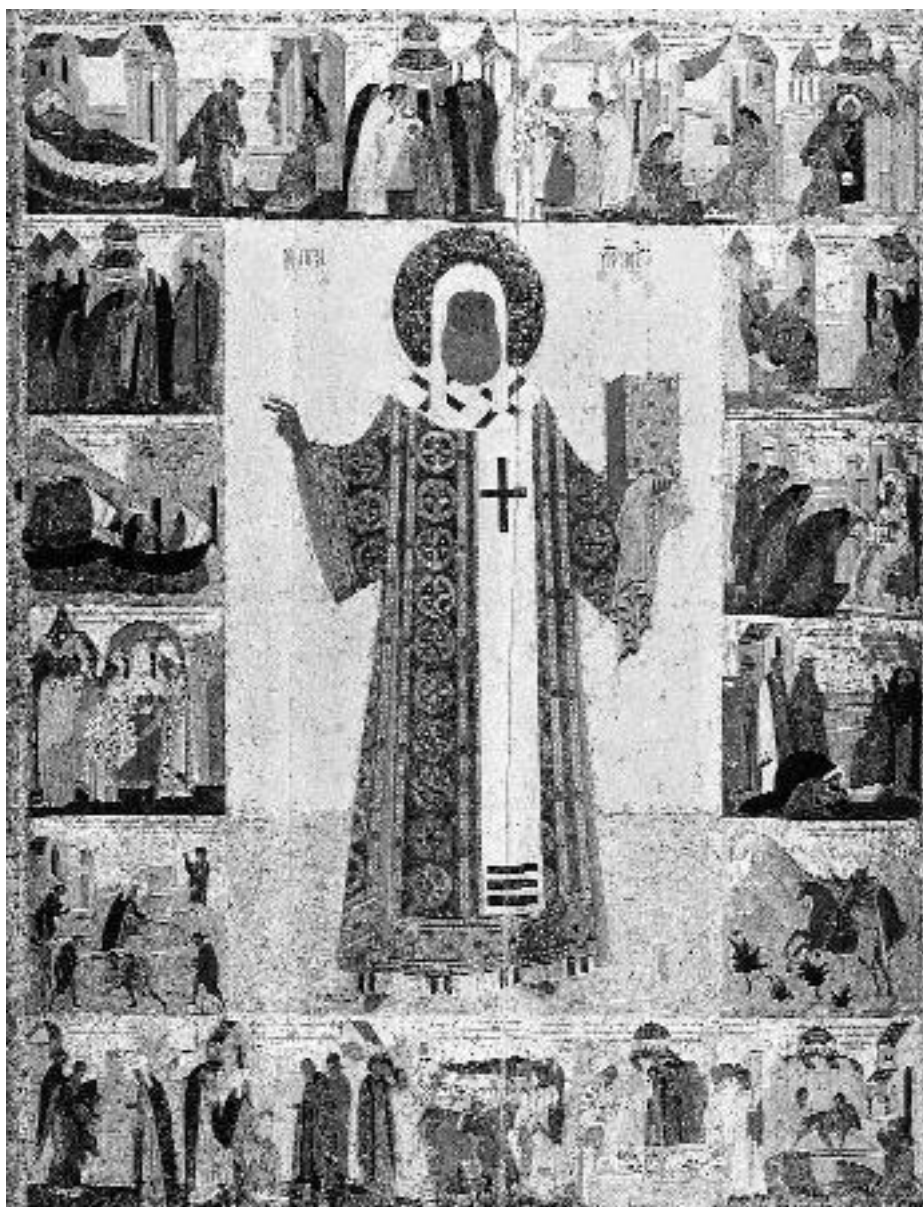
Наконец после месячной осады Эдигей получил из Орды тревожные вести, что, пользуясь его отсутствием, какой-то царевич хотел занять ханскую столицу. Тогда он, взяв с Москвы выкуп в 3000 рублей, с радостью ему уплаченный, поспешно стал отходить, захватив, впрочем, по дороге Рязань. Достоинно замечания, что Эдигей поспешно ушел от стен Москвы 20 декабря, в канун празднования памяти святого митрополита Петра. В жизни города Москвы немало было случаев, где чудесная, таинственная помощь святителя Петра с очевидностью подтверждала и укрепляла глубокую веру в него московского народа. С дороги Эдигей написал гневное письмо Василию Дмитриевичу, в котором выговаривал ему его гордость и советовал смириться. Но письмо это не подействовало на московского государя, и он возобновил сношения с Ордою лишь в 1412 году, когда отправился в нее с дарами приветствовать нового хана, причем враждебные действия с татарами, кроме обычных разбойнических набегов с их стороны, более не возобновлялись до конца жизни великого князя.

Примирившись в 1408 году на реке Угре с Василием Дмитриевичем, Витовт стал деятельно готовиться вместе с Ягайлой, с которым он тоже сблизился после своего поражения на Ворскле, против немецких рыцарей, не перестававших стремиться к захвату пограничных с орденом Литовских земель, особенно же Жмудской, или Жемоитской волости, так как волость эта связывала владения рыцарей Немецкого ордена в Пруссии с владениями Ливонскими в одно целое. Рыцари также усиленно готовились к предстоящей борьбе, и 15 июля 1410 года противники сошлись друг с другом близ деревни Домровно в Пруссии.

Здесь произошла знаменитая битва между славянами и немцами на местности, носившей название Зеленого поля (также Танненберг или Грюнвальд).

В состав рыцарского воинства, численностью до 100 000 человек, входили отряды, собранные со всех областей Германии, а также из Венгрии, Швейцарии, Голландии, Франции и даже Англии. Все эти отряды были превосходно вооружены и обучены ратному делу, причем обладали и многочисленной, но малоподвижной для действий в поле артиллерией.

У Ягайлы и Витовта было тоже не менее 100 000 войска из русских, поляков, литовцев, чехов, тохтамыевых татар, моравов и армян. Рать эта делилась на 91 хоругвь (в каждой до 300 человек конницы и около 800—1000 человек пехоты); при этом из 51 польской хоругви 7 состояло целиком из уроженцев русских областей, подпавших под власть Польши, а именно: хоругви Львовская, перемышльская, холмская, галицкая и 3 подольских, а в 40 литовских хоругвях только 4 было собственно литовских, остальные же 36 были также чисто русские, набранные из уроженцев русских областей, подвластных Литве. Таким образом, русские составляли большинство в собранной польско-литовской рати. Несмотря, однако, на это, начальниками над всеми чисто русскими хоругвями были исключительно польские и литовские паны, и только тремя доблестными смоленскими хоругвями, покрывшими себя, как увидим, в этот день неувядаемой славой, предводительствовал князь Юрий Лугвениевич Мстиславский, в жилах которого текла русская кровь, так как отец его князь Лугвений Ольгердович был женат на княжне Марии Димитриевне Московской, дочери Димитрия Донского.

Митрополит Петр в житии. Икона. XV в.

У Ягайлы и Витовта были также взяты с собою пушки, отличавшиеся такою же малой подвижностью, как и немецкие, но их было значительно меньше. Польско-литовская рать уступала немецкому воинству в смысле выучки, но зато значительно превосходила его в нравственном отношении, так как в рыцарской среде давно уже были утрачены прежние суровые добродетели Немецкого ордена, и вместо них теперь царили безбожие, пьянство, обжорство, игра в кости и разврат.

Перед столкновением осторожный и нерешительный Ягайло пытался покончить дело мирными переговорами, но надменный великий магистр Немецкого ордена Ульрих фон Юнгинген с презрением отверг их и перед самой битвой послал с целью насмешки два меча Ягайле и Витовту, причем принесящий их держал им такое слово: «Пресветлейший король, великий магистр прусский Ульрих прислал тебе два меча: один тебе, другой брату твоему в помощь, чтобы ты не робел, но осмелился драться. Если тебе тесно, то великий магистр уступит тебе место». Ягайло, воздев глаза к небу, ответил, что Бог рассудит, кто прав.

Битва началась стрельбой артиллерии обеих сторон, причем пушкари действовали так неумело, что все снаряды пошли вверх, не причинив никому вреда. После этого пылкий Витовт

двинул вперед татар на крестоносцев; Ягайло же расположился поодаль и все время молился, стоя с воздетыми к небу руками. Видя наступление татар, рыцари, закованные в железо, стройно двинулись против них и быстро их опрокинули, татары кинулись бежать. Витовт повел тогда в бой литву и жмудь, но рыцари опрокинули и их. Скоро все поле было усеяно бегущими, которых беспрестанно рубили немцы. Никакие просьбы Витовта остановиться, никакие угрозы, даже удары не помогали.

Спасли честь польско-литовских знамен доблестные русские войска. Три смоленские хоругви, со всех сторон окруженные огромным количеством рыцарского войска, долго и мужественно отбивались, причем одна из них была поголовно истреблена, но не сдалась. Две же другие пробившись с большими потерями и вышли на выручку к польским хоругвям, которым приходилось плохо: немцы добирались к королевскому знамени, выпавшему из рук знаменосца; в это же время и сам Ягайло был чуть не убит наскочившим на него смелым рыцарем. Своевременный выход доблестных смолян на помощь полякам, к которым направились затем на поддержку и другие русские хоругви, переменял положение дел на поле сражения.

Вооружение немецкого рыцаря в начале XV в.

Скоро славяне со всех сторон окружили крестоносцев и довершили их поражение, радостно восклицая: «Литва возвращается» при виде Витовта, ведшего с собой отряд своих беглецов. Великий магистр Ульрих был ранен два раза и наконец сбит с коня ударом рогатины по шее. Множество рыцарей падало на колени, моля о пощаде, но некоторые сами убивали друг друга, не желая попасть в руки врагов. Победа была самая полная. Взяты были все 52 немецких знамени, все пушки и весь богатый обоз. Убитых крестоносцев было 18 000 человек; раненых до 30 000; пленных до 40 000; а разбежалось около 27 000. Такова была блистательная победа над немцами, одержанная соединенными силами славян, действовавших на Зеленом поле с редким единодушием и взаимной поддержкой, причем львиная доля славы выпала русским хоругвям, особенно же трем смоленским.

«Битва на Зеленом поле была одна из тех битв, – говорит историк С. Соловьев, – которые решают судьбу народов: слава и сила Ордена погибли в ней окончательно». Битва эта показала также всему миру, что могут сделать соединенные силы славянских народов. Прусские рыцари могли быть тогда совершенно уничтожены, и только чрезвычайная вялость Ягайлы после сражения дала возможность оправиться ордену и продолжать свое существование в течение еще некоторого времени.

Ближайшим же следствием этой победы было усиление сближения Польши с Литвой, конечно, за счет выгод православного населения последней.

В 1413 году было созвано общее собрание, или сейм, для поляков и литовцев в Городле, недалеко от Владимира-Волынского, где было выработано так называемое Городельское соединение, или уния, по которой Польша и Литва соединялись в одно государство, с тем, однако, что Литва будет всегда иметь своего особенного великого князя и свое особенное управление. При этом литовское дворянство сравнивалось во всех своих правах с дворянством польским и получало также право присоединяться к польским гербам²; вместе с тем оно могло получать звания и должности подобно польским. Наконец, в Литве, по примеру Польши, устанавливались сеймы, или общие собрания дворян, для решения государственных дел. При этом, однако, всеми означенными преимуществами, или привилегиями, могли пользоваться только католики; православные же, или *схизматики* (еретики), как их презрительно называло латинское духовенство, никаких прав не получали и никаких высших должностей занимать не могли.

Победа на Зеленом поле очень подняла значение Витовта, поникшее после поражения на Ворскле. У татар же не прекращались взаимные раздоры, и сила их быстро падала. Престарелый Эдигей, уступив в конце концов Волжскую, или Золотую, Орду сыновьям Тохтамыша, властвовал сам над ордами, занявшими Черноморское побережье. Он вел еще некоторое время борьбу с Витовтом и в 1411 году, подойдя к Киеву, ограбил его и разорил все церкви, в том числе и Печерскую лавру. Но затем он отправил к Витовту посольство с богатыми дарами и следующим словом: «Князь знаменитый! В трудах и подвигах честолюбия застигла нас унылая старость; посвятим миру остаток жизни. Кровь, пролитая нами в битвах взаимной ненависти, уже поглощена землею; слова бранные, какими мы друг друга огорчали, развеяны ветрами; пламя войны очистило сердца наши от злобы. Вода угасила пламя». Они заключили мир.

Святой Фотий – митрополит Московский

Большой сравнительно мир и тишина наступили вслед за отступлением Эдигея от Москвы и для Василия Дмитриевича; отношения его с Ордой были почти все время мирные. Рязань же и Тверь после смерти знаменитых соперников Донского – Олега Рязанского и Михаила Тверского – не могли и думать о борьбе с Москвою и все более и более подчинялись ее влиянию, чему способствовали внутренние усобицы, происходившие в них.

² Дворянские гербы перешли в Польшу из Западной Европы; они означали как бы знамя известного рода; все принадлежавшие к одному гербу считались между собой родственниками и должны были оказывать друг другу поддержку. При этом за известные заслуги лицам безродным разрешалось приписываться к одному из существующих гербов, после чего они входили на равных правах в круг всех лиц, ранее принадлежавших к этому гербу, хотя бы и носили другое наименование или фамилию. Поэтому разрешение литовцам приписываться к польским гербам как бы роднило их со всем польским дворянством.

Великий Новгород и Псков также должны были держать княжение Василия Димитриевича честно и грозно; Новгород, несмотря на постоянную борьбу партий и желание уйти из-под власти Москвы, хотя бы для этого пришлось передаться Литве, должен был считаться с волею Василия, боясь за свою богатую Двинскую землю. Псков же стал уже постоянно принимать своих князей из рук великого князя московского, за что Василий Димитриевич оказывал ему свою неизменную помощь в борьбе с Ливонским орденом, который участил свои нападения на Псковские владения именно в то самое время, когда соединенная славянская рать разгромила рыцарей Прусского ордена на Зеленом поле. Доблестные псковичи, не встречая в этой борьбе никакой поддержки от своего старшего брата – Новгорода, сами неоднократно смело вторгались в Ливонские владения, и после целого ряда опустошительных походов в 1417 году между ними и немцами был заключен мир по старине, при посредстве посла великого князя Василия, причем в мирном договоре Василий был называем рыцарями «королем Московским и императором Русским».

Со шведами в княжение Василия Димитриевича было лишь несколько мелких столкновений, причем новгородцы в 1411 году ходили до Выборга и взяли его наружные укрепления, а из Двинской земли в том же году русские молодцы совершили поход на норвежцев, на далекий север – в Лапландию.

При Василии Димитриевиче произошло несколько важных событий и в нашей церковной жизни. Митрополит Киприан, за свою великую добродетель и праведность причтенный по смерти к лику святых, имел под своею властью все епархии как в Московской, так и в Литовской Руси, причем, пользуясь большим расположением со стороны Василия Димитриевича, сумел снискать себе в то же время и полное доверие Витовта и Ягайлы.

Преемником Киприана был ученый грек Фотий, также праведной и святой жизни человек. Однако Фотий не обладал всеми дарованиями Киприана; он не умел ладить с Витовтом и никогда не ездил в свои литовские епархии. Хитрый Витовт, давно мечтавший для своих православных подданных об митрополите, независимом от Москвы, с тем чтобы последний был всецело под его влиянием, искусно воспользовался тем, что Фотий не посещает литовских епархий, и стал хлопотать у Царьградского патриарха о поставлении особого Киевского митрополита для Западной Руси, причем ходатайствовал за своего ставленника, болгарина Григория Цамблака. Указывая на нерадение Фотия и выставя себя горячим ревнителем православия, Витовт уверял, что хлопочет только для того, чтобы сторонние люди не могли говорить: «Государь Витовт иной веры; он не печется о Киевской церкви».

Тем не менее патриарх не согласился на поставление Цамблака. Тогда Витовт собрал в 1415 году подвластных себе православных епископов в Новогрудек и заставил их поставить Цамблака Киевским митрополитом. Так этим самовластным поставлением Цамблака разделилась надвое бывшая до сих пор единая Русская митрополия, издревле объединявшая своим благотворным влиянием всех православных обитателей Русской земли.

Ф. Солнцев. Напрестольное Евангелие конца XIV в.

Благовещение. Икона. XV в. А. Рублев

Конечно, следствия этого разделения не замедлили сказаться. Витовт тотчас же послал Цамблака с литовскими панями в Швейцарию на происходивший там под председательством папы известный Констанцкий собор, чтобы хлопотать об унии или присоединении греческой веры к латинской, но Цамблак прибыл, когда уже собор кончался, и успеха в своем посольстве не имел.

В 1419 году после смерти Цамблака Витовт помирился с Фотием и опять подчинил ему свои епархии, но пример разделения митрополии оставил по себе сильный след и, как увидим, повел впоследствии к окончательному ее распадению на восточную, или Московскую, и западную, или Киевскую.

Что касается Северо-Восточной Руси, то там дело святого Сергия Радонежского и его учеников усердно продолжали многие святые подвижники, проповедуя православную веру и насаждая иноческое житие, особенно на востоке и на севере нашего Отечества.

К концу XIV века корелы, обитатели берегов Ладожского озера, исповедовали уже православную веру благодаря трудам преподобных Сергия и Германа, первоначальных основателей Валаамской обители. Спустя некоторое время преподобный Арсений положил начало мона-

стырю на острове Коневце. Дикая чужь в стране Каргопольской имела своим благовестником преподобного Кирилла Челмгорского, а обитатели Крайнего Севера – лопари и мурманская чужь – слышали евангельскую проповедь от великого подвижника и чудотворца Саввы Лазаря.

В конце XIV века жили в Новгороде, раздираемом постоянными усобицами, двое угодников Божиих, подвизавшиеся в юродстве, блаженные Феодор и Николай Кочанов. Соблюдая строго пост и чистоту, не имея нигде постоянного житья, они бегали босые и полунагие в жестокие морозы по улицам, терпеливо снося поношения, а иногда и побои. Блаженный Николай юродствовал всегда на Софийской стороне, а Феодор на Торговой. Оба они вполне понимали друг друга, но показывали вид непримиримой вражды, обличая тем постоянную распрю двух сторон великого города.

Ревностно занимаясь государственными делами, великий князь Василий Димитриевич заботливо относился также к возведению новых церквей в своей столице и к украшению уже существующих. Он построил в Кремле церковь Благовещения, где стали совершаться крестины и бракосочетания членов великокняжеской семьи. Сюда же он перенес найденную заделанной в стене Суздальского собора святыню: «Страсти Господни», именно – часть крови Спасителя, камень от гроба Его и терновый венец.

Расцвело при Василии Димитриевиче и русское иконописное искусство, заведенное в Москве собственной рукой святого Петра-митрополита. Лучшие образа знаменитого иконописца Троицкой лавры Андрея Рублева написаны им именно во время великого княжения Василия, причем Рублев в 1405 году расписал своими дивными иконами новопостроенный Благовещенский собор.

За храмом Благовещения, на башне великокняжеского дворца Василий Димитриевич устроил в 1404 году первые в России часы с боем, которые за 150 рублей (около 30 фунтов серебра) поставил пришедший с Афона сербин Лазарь. На часах был сделан искусственный человек, выбивавший молотком каждый час. Летописец так говорит об этих часах: «Сей же часник наречется часомерье: на всякий же час ударяет молотом в колокол, размеряя и рассчитал часы ночные и денные, не бо человек ударяше, но человековидно, самозвонно и самодвижно, страннелепно некако сотворено есть человеческою хитростью, преизмечтанно и преухищренно».

Во времена Василия стали развиваться в Москве также ремесла литейное и чеканное и искусство делать украшения из дорогих металлов, камней и жемчуга. Особенно славился в последнем искусстве сам великий князь; в своем завещании он упоминает о золотом поясе с кошельком, лично им скованном. До нас дошло чрезвычайно любопытное современное изображение великого князя Василия Димитриевича с супругой; оно вышито шелками на саккосе митрополита Фотия, хранящемся в московской Патриаршей ризнице.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.